
ГНЕВ:
НЕИСТОВЫЙ
Й. ЛЁВЕН

Йоханн Лёвен

Гнев: неистовый

«Автор»
2026

Лёвен Й.

Гнев: неистовый / Й. Лёвен — «Автор», 2026

Упоротый детектив Департамента полиции Лос-Анджелеса и его коллега из Беверли-Хиллз, курящая одну за другой, должны разобраться в гибели сотрудницы почты в автокатастрофе.Но их расследование не продвигается. Поэтому вдовец, университетский профессор, идёт своим путём.В дело оказываются втянуты находчивая частная сыщица из Лос-Анджелеса, пивовар-перфекционист из Портленда, последовательная в своих решениях посредница из преступного мира Мельбурна и сломленная женщина-пилот.Речь идёт о мести. И о капле надежды там, где быть её не может.

© Лёвен Й., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 6
- 12 мая 2016 года, Беверли-Хиллз 6
- 12 мая 2016 года, Беверли-Хиллз 8

Часть 2 11
- 13 мая 2016 года, Лос-Анджелес 11
- 21 мая 2016 года, Лос-Анджелес 13
- 21 мая 2016 года, Лос-Анджелес 16
- 24 мая 2016 года, Портленд 17
- 28 мая 2016 года, Ланкастер 21
- 29 мая 2016 года, Лос-Анджелес 24

Конец ознакомительного фрагмента. 25

Йоханн Лёвен
Гнев: неистовый

Этот роман входит в цикл «Гнев».

Каждая книга рассказывает самостоятельную, завершённую историю и может читаться отдельно.

Тем, кто хочет проследить всю сюжетную линию, лучше читать романы в следующем порядке:

Гнев

Гнев: неистовый

Гнев: четыре дня

Часть 1

• 12 мая 2016 года, Беверли-Хиллз

Казалось, тёплое майское солнце заставляло весь мир сиять от счастья. Аромат деревьев, уже одевшихся листвой, но кое-где лишь теперь раскрывавших цветы, действовал как наркотик — пьянил, не лишая при этом способности наслаждаться безмятежностью, радостью и лёгкостью.

Знакомство Мэтта с наркотиками осталось далеко в прошлом, в подростковых годах, когда он ещё не взялся за ум. Тогда ему помог спорт. В последнее время мысли о спорте почему-то возвращались всё чаще. С тех пор как ему не просто стало казаться, что он набрал лишнего веса, а — весы это безжалостно подтвердили. Сейчас, в искрящемся свете, среди сочной, яркой зелени, когда тёплый пряный воздух щекотал ноздри, а сердце едва не разрывалось от счастья, Мэтт ощущал огромное, если не сказать — неукротимое, желание сразу по приезде домой спуститься в пыльный подвал и перетащить в гараж пару гантелей и велотренажёр. И прямо с сегодняшнего дня заниматься не меньше часа ежедневно. Хотя, пожалуй, и получаса хватило бы: других дел у него тоже было немало.

Мысль о том, чтобы снова стать гибким и подвижным, со стальными, как прежде, мышцами, пьянила Мэтта не меньше, чем май и счастье. Настолько сильно, что он не слышал тихого, ехидного голоса в голове, уверявшего, что он даже не приступит к осуществлению своего смелого замысла. Мэтт подавил насмешливое бормотание в извилинах и горестно вздохнул. Дома его ждали кухонный робот Кук Процессор и жена, а вот панкейки, которые мог бы породить этот симбиоз — нет. Мэтт был крепким орешком и немало пережил на своём веку, но перед панкейками он был бессилен. А Лора в последнее время упорно лишала его любимого блюда. Она любила его. Любила бы, даже если бы он растолстел. И всё же последние шесть недель она неукоснительно следила за здоровым питанием. Впрочем, это можно было вытерпеть. Вот только мяса Мэтт, к сожалению, не ел уже почти три недели. Зато ему хотя бы разрешалось пить пиво. Он лишь недоумевал, почему Лора не устраивала ничего подобного за те четырнадцать месяцев, что они прожили вместе. Она взялась за это лишь после того, как на его пальце появилось золотое кольцо, обозначавшее его как ею собственность.

При мысли о том, что она теперь его жена, Мэтт порывисто вдохнул. И пожелал, чтобы и через тридцать лет брака его охватывало бы такое же волнение, стоило бы лишь представить улыбку Лоры. Он широко, восторженно улыбнулся, чуть ли не в экстазе: до тех пор оставалось ещё двадцать девять лет и восемь месяцев. Он был счастлив так, как прежде не мог и вообразить.

Свернув на Кармелита-авеню, Мэтт опустил стекло. С тех пор как четыре года назад он в корне изменил свою жизнь — вернее, был вынужден её изменить — он наслаждался вещами, которых прежде не замечал. Теперь он ездил на машине, о которой всегда мечтал: БМВ 840CSi девяносто седьмого года с двигателем V8 объёмом 4,4 литра. В США его двести восемьдесят шесть лошадиных сил для премиум-класса не были чем-то особенным, но от звука восьмицилиндрового двигателя у Мэтта каждый раз по спине бежали мурашки. Правда, этим он был обязан нештатной выхлопной системе, но одиннадцать тысяч долларов, отданных за её изготовление на заказ, стоили каждого потраченного цента. Если не считать её и белоснежной плёнки на кузове, машина была полностью оригинальной и отреставрированной до последнего винтика. Плавно скользя между домами, утопавшими в вечной калифорнийской зелени, Мэтт прислушивался к неторопливому бульканью V8. Оно звучало иначе, чем у американских машин. Те грохотали как-то грубо, напоказ выставляя свою мощь. Немецкий двигатель звучал цивили-

зованнее, сдержаннее. Впрочем, при нажатой до упора педали газа он тоже умел клокотать и реветь, словно разъярённый, обезумевший кабан. Но — без пены на клыках. Культурный.

Мэтт проезжал мимо бесчисленных поперечных улиц, о существовании которых в Беверли-Хиллз посторонние, вероятно, даже не подозревали. И ещё кое в чём город отличался от представлений остального мира, введённого в заблуждение однобоким освещением в СМИ: он вовсе не был сказочно богатым. В Лос-Анджелесе были районы, где средний доход превышал доход жителей Беверли-Хиллз. Но именно поэтому Мэтт здесь и поселился: университетский профессор ничем не выделялся в месте, которое все считали обителью богачей. Его БМВ был не таким экстравагантным, как многие машины мультимиллионеров, которых в Беверли-Хиллз и впрямь жило немало. Его дом тоже не выделялся среди других. Жизнь Мэтта была совершенно неприметной.

Он свернул налево, на Норт-Алпайн-драйв. Его дом под номером 601 стоял прямо на углу с Кармелита-авеню, так что в случае необходимости он мог покинуть его в трёх разных направлениях. Даже в четырёх, если перемахнуть через забор к соседу.

Пока автоматические ворота на въезде распахивались, Мэтт ухмыльнулся: в открытом гараже стояла машина Лоры. Он радовался не только предстоящей встрече с женой — она ещё и разделяла его восторг перед БМВ тех времён, когда фирма создавала воплощённые в металле поэмы, перед которыми хотелось преклонить колени, вместо того чтобы, как теперь, выпускать замысловатые выштамповки, грани и задние фонари без души. На свадьбу Мэтт подарил жене БМВ шестой серии первого поколения. Тоже отреставрированный, с другой выхлопной системой и оклеенный белой плёнкой. Лора буквально боготворила это купе — одно из самых красивых в мире. Её «шестёрка» восемьдесят восьмого года была моделью 635CSi с хрипловато урчавшим рядным шестицилиндровым мотором и доставляла не меньше удовольствия, чем «восьмёрка» Мэтта.

Он припарковался за «шестёркой» и взял свой коричневый кожаный портфель, по-профессорски потёртый и настолько переполненный бумагами, что носить его на ремне через плечо было невозможно: лучше всего было обхватить обеими руками и прижать к груди. Мэтт развернулся на сиденье и выбрался из машины, осторожно прикрыл дверцу левой ногой, нажал кнопку на брелоке, запирая «восьмёрку», и посмотрел на ворота. Те автоматически закрывались. Убедившись, что из портфеля не вылетело ни одного листка, он покрепче прижал его к себе и неспешно направился к входной двери.

• 12 мая 2016 года, Беверли-Хиллз

Чтобы отпереть дверь, не растеряв листков и не заработав прострел в пояснице от необходимых для этого телодвижений, ему пришлось невольно выполнить упражнение из йоги. Затем Мэтт закрыл дверь, прижавшись к ней спиной, скинул обувь и прошёл на кухню.

Жена стояла к нему спиной у столешницы, мелко резала что-то ножом и двигалась при этом так, словно танцевала.

Мэтт бросил взгляд на Кук Процессор. Кухонный робот фирмы Китхен Эйд был выключен. Значит, вкусных панкейков сегодня опять не будет. Мэтт сгрузил портфель на угол стола, стоявшего посреди кухни.

Лора резко обернулась, чуть приподняв правую руку с ножом. Её короткие светло-русые волосы, окружавшие голову пушистым ореолом, вспыхнули в солнечных лучах, косо падавших в кухню. Голубые глаза за стёклами очков прищурились, а тонкие, чётко очерченные губы растянулись в широкой радостной улыбке; на лбу появились очаровательные складочки, а острый носик приподнялся. Всё ещё держа большой острый нож в правой руке, словно для замаха, Лора левой дёрнула за тонкий провод у себя на груди. Из её ушей вылетели маленькие белые наушники, и Мэтт услышал доносившуюся из них Don't Be So Shy в исполнении Imany.

— Милый! — сказала Лора, запихивая наушники в левый передний карман джинсов к смартфону.

Мэтт не удержался: его взгляд скользнул по длинным стройным ногам и попке жены. Затем перевёл взгляд на столешницу. Там, прежде скрытая её изящной фигуркой, стояла большая стеклянная миска. Мэтт догадывался не только о её присутствии, но и о содержимом. И действительно, она была полна всякой зелени. На разделочной доске лежали сладкие перцы, которые Лора нарезала длинными полосками. Большой огурец и два помидора ожидали той же участи. А рядом с миской стояла вовсе не бутылка йогуртовой заправки — нет, там возвышалась мрачная тёмная бутыль с драгоценным и чрезвычайно полезным оливковым маслом.

— Добрый вечер, миссис Уильямс, — ответил Мэтт, невольно скривившись. — Чем я провинился?

Лора рассмеялась, слегка запрокинув голову.

— Мистер Уильямс, вы превратились в жирную свинью, — сообщила она затем. — Поэтому я вынуждена принять меры.

Мэтт посмотрел на неё. Он боготворил её улыбку, но её слова были не угрозой, а констатацией факта. Потрясённый до глубины души, он вздохнул. На Лору это подействовало не больше, чем мелкая дождевая капля на бронестекло. А ведь она была такой… такой красивой! Тонкая талия, узкие округлые бёдра, восхитительная грудь и изящная шея. Мэтт боролся с унынием. Богиня секса перед ним поступала совершенно правильно: ему следовало хотя бы немного привести свою внешность в соответствие с её.

— Так точно, мэм, — всё же уныло отозвался он.

Лора положила нож, подошла к нему и обняла. Прижав её к себе, ощутив тепло сквозь тонкую свободную футболку и вдохнув её запах, Мэтт вспомнил о решении, принятом меньше получаса назад. Он собрал всю волю в кулак и подавил волну нежелания. Затем прервал поцелуй и отстранил жену.

— Сейчас вернусь, — объявил он.

Ему самому показалось, что голос звучал словно из могилы.

— Милый, это всего лишь салат, — напомнила ему Лора.

— Да всё нормально, — буркнул Мэтт. Он уже хотел рассказать ей о своём намерении. Но тут подумал: если он пропустит тренировку… или что-нибудь в этом роде… она ведь непре-

менно ему напомнит. И станет подавать салаты ещё чаще и в ещё больших количествах. — Пойду в душ.

*****

Мэтт продержался на велотренажёре целых одиннадцать минут. И признался себе, что это ему даже понравилось. Ну, спустя некоторое время. Воодушевившись, он решил оставить велотренажёр в подвале, но заниматься на нём.

Поднимаясь по лестнице, он поймал себя на том, что тяжело топает. Лора была совершенно права: он растолстел. Двести шестнадцать фунтов при росте пять футов одиннадцать дюймов — явно многовато. Разочарование оказалось куда сильнее недавней эйфории. Мэтт стиснул зубы. Надо было продолжать. Он глубоко вздохнул. А ведь он был так уверен, что нравится Лоре в любом виде… И вот теперь — салат. Забираясь под душ, он боролся с разочарованием. Посмотрел на себя сверху вниз. И вдруг улыбнулся. Лора действительно любила его в любом виде. Только сейчас он понял: своим телом был недоволен он сам, а не она. И жена устраивала эту салатную кампанию, чтобы поддержать его, а вовсе не потому, что её не устраивала его наметившаяся округлость. Повеселев, Мэтт намылился.

Когда он спустился на кухню в удобных, потому что давно растянутых, штанах Адидас и в некогда синей футболке с формулой «$E=mc^2$» на груди, Лора уже приготовила салат.

— Долго же ты, — заметила она через плечо.

В тюрьме Мэтт усвоил, что на обычное мытьё под душем не полагалось и десяти минут. Он пропустил её замечание мимо ушей: посвящать Лору в свои тренировочные планы он по-прежнему не собирался. Одновременно он заглянул ей за спину, на столешницу. И с восторгом обнаружил там большой кусок куриной грудки, а на плите — уже разогревавшуюся сковороду.

— Моя королева! — торжественно провозгласил Мэтт.

— Подлиза ты, — ответила жена, усмехнувшись его бурной радости, и поднесла ладонь к сковороде.

— Я пока быстренько проверю работы, ладно? — решил Мэтт. — Тогда после ужина у нас останется больше времени.

— Хорошо, — с радостью отозвалась Лора и длинными движениями ножа нарезала куриную грудку полосками. Затем принялась рубить их на мелкие кубики, а Мэтт тем временем достал из портфеля стопку жёлтых листков. — Что было задано? — поинтересовалась Лора, быстро взглянув на него через плечо. — Разгадать формулу мироздания?

— Формулу мироздания все знают, только рассчитать её никто не может, — уже довольно рассеянно ответил Мэтт, раскладывая перед собой листки. Затем поднял голову и ухмыльнулся Лоре. — Не-а, я сегодня устроил своим студентам внезапную контрольную.

— Ах ты негодяй, — сказала Лора, заподозрив какой-то подвох.

Мэтт подмигнул ей.

— Предложил им парадокс яйцеварки. — Он и сам слышал в своём голосе злорадное предвкушение. — Штука простая. — Теперь скрыть предвкушение он уже не мог. — Вот и посмотрим, способны ли студенты предпоследнего семестра ещё мыслить по-человечески, или же квантовая механика окончательно запудрила им мозги.

Лора остановилась и посмотрела на него, приподняв брови.

— В чём заключается парадокс? — спросила она.

— Чем больше яиц хочешь сварить в яйцеварке, тем меньше требуется воды, — ответил Мэтт, склонившись над первым жёлтым листком.

Лора нахмурилась.

— А ведь и правда, — озадаченно отозвалась она. — И почему так?

Мэтт уже читал. Через несколько секунд он наморщил лоб и недоумённо покачал головой. Затем откинулся на спинку стула.

— Яйца варятся благодаря тому, что горячий пар конденсируется на них и нагревает их. Так вот, у одного яйца поверхность, на которую попадает пар, очень мала, а поскольку яйцеварка негерметична, много пара уходит впустую. Поэтому воды нужно налить много. А у нескольких яиц общая поверхность большая, на них конденсируется много пара, вода стекает обратно и может снова нагреваться. Чистая физика. — Он лукаво ухмыльнулся. — А тут уже и мистер Энри, который объясняет всё это тем, что квантовая механика нарушает принцип локальности.

Он размашисто написал на листке, что думает по этому поводу, отложил его вправо и принялся читать следующий. Брови удивлённо приподнялись, затем он кивнул, поставил под коротким текстом оценку «А» и взялся за очередной жёлтый листок.

Лора тем временем с удивлённым выражением лица отвернулась к плите и выложила куриную грудку на сковороду.

Через двадцать минут ужин был готов, а Мэтт проверил последний листок. Он помог Лоре накрыть на стол. Наконец они сели друг напротив друга и принялись за еду.

— Хм, — довольно разочарованно пробормотал Мэтт, шумно пережёвывая первый хрустящий лист салата, — и правда, всего один попался.

— Бедный профессор, — насмешливо отозвалась Лора, тоже хрустя салатом. Мэтт недовольно посмотрел на неё, а она откровенно ухмыльнулась. — Детки испортили тебе всё удовольствие?

Мэтт наконец высмотрел кусочек курицы, подцепил его вилкой и с наслаждением прожевал. Затем посмотрел на жену с напыщенным видом.

— Миссис Уильямс, пусть это и грамматически неверно, но я наиполнейше удовлетворён результатом, — с апломбом провозгласил он. — Ибо он свидетельствует о моих выдающихся способностях не только как учёного, но и как преподавателя. — Он утвердительно кивнул. — Я не просто открываю своим студентам тайны квантовой механики, но и уберегаю их от узости мышления. — Он поднял руку, предупреждая возражение Лоры. — А тот единственный, кто не справился, лишь подтвердил мою оценку его способностей, — торжествующе добавил он. — Вот так! — Он подцепил следующий кусочек курицы, отправил его в рот и склонил перед Лорой голову. — Превосходное кушанье, дорогая моя, — вынес он вердикт. — Наивкуснейшее!

Жена улыбнулась той самой улыбкой, из-за которой он так внезапно и безудержно в неё влюбился. Затем протянула через стол изящную руку и прижала ладонь к его левой щеке.

— Я люблю тебя, — просто сказала она, глядя ему в глаза с глубокой, тихой радостью. — Я так тебя люблю.

Часть 2

• 13 мая 2016 года, Лос-Анджелес

Было уже далеко за половину шестого вечера — опять гораздо позже, чем Лора собиралась уйти. Она последней, не считая уборщиков, покинула свой кабинет в здании Почтовой службы Соединённых Штатов.

Даже сейчас её мысли возвращались к проблеме, над которой она билась уже две с половиной недели. Но ей нужно было отключиться от работы. Поэтому она сосредоточенно принялась вспоминать прошлую ночь.

Несмотря на салат, Мэтт снова был очень нежен. Недолго, но довольно пылко.

Лора тихонько рассмеялась и направилась к машине. По дороге она гадала, не принял ли Мэтт, который сегодня должен был оказаться дома первым, кое-какие меры в преддверии ужина определённого рода — а вернее, против него. Например, не разжёг ли свой чудовищный гриль «Вебер» и не выложил ли на решётку толстые сочные стейки. Словно её застали за шалостью, Лора прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос, и огляделась. Никого. Она прыснула, выуживая из сумочки ключ от БМВ. Уже две недели ей ужасно хотелось стейков. Но признаться Мэтту в этом она не могла. Поэтому приходилось обходиться салатом.

*****

Было без нескольких минут шесть, когда Лора свернула налево, на Саут-Венис-бульвар. Ещё чуть меньше трёх миль прямо, затем на межштатную автомагистраль 405, съехать в Вествуде — и через пять минут она дома. Принять душ и наконец вонзить зубы в стейк.

Под величественным взглядом супруга. Впрочем, Лора была готова доставить ему это удовольствие: вчера она получила своё.

Она посмотрела вперёд. На трёх полосах перед ней машин почти не осталось: была пятница, и уже давно перевалило за пять, у большинства начались выходные. И они жарили стейки. Лора покачала головой. Мысли о мясе преследовали её не менее настойчиво, чем рабочая проблема. Чтобы отвлечься и от того, и от другого, она сосредоточилась на радио.

Немного покрутив ручку настройки — Мэтт настаивал, чтобы их БМВ по возможности сохраняли оригинальное оснащение — Лора нашла песню, которая ей понравилась. Энрике Иглесиас пел по-испански. Хороший ритм. Венис-бульвар сузился до двух полос, а через несколько перекрёстков снова расширился до трёх. Наконец показался проезд под четыреста пятой. Лора с сожалением перестала пританцовывать в такт песне и сосредоточилась: скоро нужно было поворачивать направо, а она слишком долго оставалась в среднем ряду, хотя движение здесь всегда было оживлённым. Так было и сейчас, но к заправке Шелл Лора успела перестроиться вправо и с облегчением свернула на Сепульведа-бульвар. Здесь тоже было три полосы, но асфальт для западной части Лос-Анджелеса был просто отвратительным. Впереди показался светофор, и Лора включила правый поворотник. Перед ней загорелся красный, пришлось остановиться. Но впереди стоял только один Додж Рэм, так что на следующий зелёный она наверняка успеет повернуть. Лора спокойно огляделась.

Как и каждый вечер с прошлого четверга, напротив, на другой стороне Сепульведа-бульвара, стоял огромный зелёный Питербилт 379 — один из лучших грузовиков самого тяжёлого, восьмого класса, классическая машина с длинным прямым капотом. Этот был тяжёлым эвакуатором с тремя задними осями и большим краном. Сегодня Питербилт снова стоял примерно там же, где всегда, но Лора впервые попала на красный, и в эту минуту между БМВ и грузовиком не было машин. Теперь она могла рассмотреть хромированные, отполированные до

зеркального блеска топливный бак, воздушный фильтр, выхлопные трубы, зеркала, окантовку капота и колёсные колпаки. Водитель, должно быть, до безумия любил свою рабочую машину.

Сквозь небольшое окно водительской двери Лора смутно различала его силуэт. Казалось, он торопливо что-то делал. В следующий миг из двух выхлопных труб, вертикально поднимавшихся за кабиной, вырвались два густых угольно-чёрных облака. Питербилт резко дёрнулся и начал набирать скорость. Вместо того чтобы нажать на тормоз, водитель лихорадочно закрутил руль.

Но вывернул его слишком сильно — теперь грузовик почти под прямым углом пересекал полосы на противоположной стороне Сепулведа-бульвара. С оглушительным рёвом разгоняясь на полном газу, он стремительно преодолевал последние метры до Лоры.

Она словно оцепенела, глядя на неотвратимо надвигавшуюся беду, не в силах даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы что-нибудь предпринять: ни уехать, ни выхватить Глок 19 из кобуры на правом бедре. Она видела только плоский блестящий бампер под решёткой радиатора, который становился всё больше, превращаясь в чудовищную стену.

Питербилт ударил БМВ точно в середину водительской двери. Лору резко швырнуло в сторону. В те доли секунды, пока она ещё могла воспринимать происходящее — уже не осознанно, не рассудком, а лишь инстинктивно — она почувствовала, как Питербилт толкает её вместе со сминающимся БМВ наискось назад, всё дальше и дальше. Сначала через тротуар, затем через узкую полосу газона, пока БМВ не врезался в серый фасад медицинского центра «Вестсайд Фэмили».

Как Питербилт буквально размазал БМВ по стене здания и как ломались её кости, Лора уже не почувствовала.

• 21 мая 2016 года, Лос-Анджелес

Полицейский участок Уилшир, седьмой из двадцати одного участка Лос-Анджелеса, относился к Западному бюро, в ведении которого находились ещё пять районов. Хотя среди них был и Голливуд, именно Уилшир носил прозвище «Чудесная миля» и был одним из самых оживлённых деловых центров мира. Здесь располагались телестудия Си-би-эс, несколько дорогих отелей и множество других предприятий. На их фоне здание участка по адресу Вест-Венис-бульвар, 4861 выглядело убого. Маленькое, приземистое, облицованное светло-коричневым кирпичом, оно напоминало бункер, или даже тюрьму. Возможно, такое строение вписалось бы в какой-нибудь провинциальный городишко, но в мегаполисе оно было столь же не на своём месте, как сейчас чувствовал себя Харви Роджерс при виде этой… этой безвкусной, бездушной конторы.

Он припарковал свой Шевроле Импала две тысячи двенадцатого года, в полицейской версии без опознавательных знаков, прямо напротив входа и глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Зачем его сюда вызвали, он не знал, но догадывался. На просторах Техаса он ещё в юности приучился не держать язык за зубами — или, как говорили некоторые — разевать пасть. С такой привычкой он не продвинулся далеко ни в Корпусе военной полиции, ни за двадцать лет службы в Полицейском управлении Лос-Анджелеса. Врагов и завистников у него никогда не было больше, чем у других, скорее даже меньше. Но среди этих немногих обитателей планеты ему неизменно удавалось наткнуться именно на того, кто терпеть его не мог. Обычно из-за слов, которыми в пылу спора награждали друг друга.

Час спустя Харви всегда был готов всё забыть. А вот генерал из КВП — нет, равно как и начальник полиции. Поэтому Харви, способный следователь, пусть и упрямо державшийся за технически устаревшие методы, вплоть до прошлого понедельника оставался лейтенантом полиции первой категории с самым большим стажем в этом звании во всём ЛАПД. На переход во вторую категорию у него ушло больше десяти лет. Теперь он наконец получил это звание — в пятьдесят.

И всего через пять дней ему велели явиться в субботу в седьмой участок. Якобы запросили именно его. Будто в Центральном бюро в деловом центре города он был единственным следователем по убийствам.

От всего этого несло какими-то махинациями начальства — той самой вонью, что всегда витала в ущельях между домами Лос-Анджелеса. Политика и интриги. Ну да.

*****

Харви не пришлось предъявлять удостоверение: один коп сразу узнавал другого, и сержант за стойкой лишь уточнил фамилию. Затем он объяснил Харви, как пройти в кабинет капитана, и снял телефонную трубку, чтобы доложить о его приходе.

Харви направился на второй этаж. У кофейного автомата он остановился: сегодня он ещё не выпил ни глотка бодрящего варева. Но затем пошёл дальше, рассчитывая, что капитан Хиггс предложит ему пойло получше автоматного.

Капитану, похоже, тоже не нравилось торчать здесь в субботу, но срывать досаду на Харви он, судя по всему, не собирался. Он встретил его у двери и сразу протянул руку.

— Доброе утро, лейтенант Роджерс, — довольно приветливо поздоровался он. — Кофе?

— Да, сэр, спасибо, — ответил Харви. Пока он подходил к стулу перед столом хозяина кабинета, а тот тоже усаживался, Харви присматривался к капитану. — Мы с вами нигде раньше не встречались? — неуверенно спросил он.

Хиггс посмотрел на него. Затем налил из собственного термоса две чашки кофе. Пододвигая одну Харви, он задумался.

— В полицейской академии? — предположил он. — Молоко, сахар?

— Не, спасибо. — Харви взял чашку. Затем щёлкнул пальцами. — Да, точно, сэр. Вы были на курс выше. Отличный стрелок из пистолета.

Хиггс улыбнулся и машинально потянулся ослабить галстук, которого сегодня на нём не было. Харви сомневался, что он это заметил.

— Корпус морской пехоты, — скромно, но с явным удовольствием ответил Хиггс. — А вы где служили, лейтенант?

— В военной полиции, — ответил Харви и пригубил кофе.

Кофе был горячим и наверняка очень вкусным. Однако вкус терялся за крепостью. Харви, сам далеко не робкого десятка по части кофе, слегка вытаращил глаза и кашлянул. Видимо, капитану ЛАПД требовалась доза покрепче.

— Логично, — заметил тем временем Хиггс и сделал большой глоток, даже не поморщившись. — К делу?

— Да, — ответил Харви.

Хиггс взял папку, лежавшую слева от него.

— Речь идёт о гибели Лоры Уильямс, — сказал он, не открывая папку. — Она служила в Службе почтовой инспекции Соединённых Штатов.

По сути, это была собственная полиция почтового ведомства. Она боролась с преступлениями, связанными с почтовыми отправлениями и не входившими в компетенцию таможни. Почтовые следователи даже носили оружие.

— Считай, коллега, — вздохнул Харви и глотнул кофе.

Полицейских такое всегда задевало. Хиггс горестно кивнул.

— По предварительным данным, это был несчастный случай, — начал он. — Она стояла на светофоре, когда Питербилт 379 на полном ходу ударил её БМВ в бок и расплющил его о здание у дороги. — Он помолчал. — У водителя случился диабетический шок. За несколько мгновений до этого он сделал себе укол, но тот не помог. — Хиггс посмотрел на папку. — Шприц мы нашли в кабине, сейчас его исследуют. Диабет у водителя выявили всего две недели назад, так что, возможно, он по незнанию что-то напутал. Или дело было в одноразовом шприце. — Он снова отпил кофе. — Сейчас вы спрашиваете себя, зачем вас сюда вызвали, лейтенант, — предположил он. Харви коротко кивнул. — Да… вот… — Казалось, Хиггс мялся. Харви догадывался почему: капитану было неприятно сообщать коллеге, что того используют как шахматную фигуру. — Итак. — Хиггс выпрямился. — Всё указывает на ужасный, прискорбный несчастный случай. — Он отпил кофе. — Но миссис Уильямс жила в Беверли-Хиллз…

— А авария произошла в Лос-Анджелесе? — предположил Харви.

Хиггс кивнул, а Харви лишь пожал плечами. Опять борьба за подследственность. Беверли-Хиллз был окружён Лос-Анджелесом и входил в округ Лос-Анджелеса, но, вопреки ошибочному мнению многих приезжих, он являлся самостоятельным городом, а не частью Лос-Анджелеса. Соответственно, он имел и собственное полицейское управление. Которое, видимо, и претендовало на это дело.

— Миссис Уильямс работала в почтовом отделении в Венисе, по адресу Гранд-бульвар, 313, — подтвердил Хиггс. — Но именно детектив из Беверли-Хиллз выяснила, что Питербилт больше недели парковался в одном и том же месте и всегда в одно и то же время — на пути Уильямс домой, как раз когда она там проезжала. Водитель грузовика показал, что всегда делал укол себе в одно и то же время, а место выбрал якобы случайно. — Хиггс хмыкнул, как любой полицейский, усомнившийся в услышанном. — Оно действительно находится на его пути домой, и схему лечения ему ещё только подбирают. Всё довольно хорошо сходится, но…

Дело с душком, мысленно закончил за него Харви и кивнул. Хиггс протянул ему папку и занялся кофе. Харви посмотрел на него.

— Полагаю, расследовать будем совместно с Полицейским управлением Беверли-Хиллз, — предположил он. — А поскольку меня вызвали без напарника, — он хмыкнул, — работать мне придётся с той самой женщиной-детективом. Но я старше по званию…

— И вы возглавляете расследование, — закончил фразу Хиггс.

• 21 мая 2016 года, Лос-Анджелес

Харви провёл ладонью по голове. На его макушке волосы уже выпали сами собой, но над ушами ещё пробивались отдельные щетинки, и это было неприятно. Нужно было поскорее сбрить их. Харви с нетерпением ждал дня, когда эта раздражающая процедура больше не понадобится.

Свою временную напарницу он увидел, выйдя через заднюю дверь участка во внутренний двор. Она стояла вполоборота к двери возле урны со встроенной пепельницей и курила.

Детектив Сандра Руис родилась в явно смешанном браке, и об этом говорила не только её фамилия. У неё было типично латиноамериканское, чуть округлое лицо, золотистая кожа и тёмные волосы до плеч, но — пронзительные голубые глаза. Среднего роста, с очень приятной фигурой, которую она, впрочем, не слишком удачно подчёркивала одеждой. Её джинсы сидели весьма неплохо, но потёртая тонкая кожаная куртка и кроссовки, скорее серые, чем белые, выглядели неженственно. Под курткой на Руис было что-то больше похожее на рубашку, чем на блузку. Верхние пуговицы были расстёгнуты настолько, что виднелась ложбинка между грудями. В целом в ней было что-то мальчишеское. Особенно в том, как она держала сигарету — в кулаке. И ещё от неё веяло неприступностью, даже когда Харви присмотрелся внимательнее. Это ощущение усиливалось тем, что Хиггс рассказал о Руис. Он знал новую начальницу Полицейского управления Беверли-Хиллз, а та охарактеризовала Руис как упорного, опытного и по-настоящему дотошного — даже придирчивого — профессионала, который не терпит указаний и при случае может врезать.

Увидев Харви, Руис повернулась к нему и окинула взглядом. Затем, вопреки его ожиданиям, погасила сигарету и пошла навстречу.

И пока он поднимал правую руку, между ними что-то изменилось. Они посмотрели друг на друга, и настороженная отчуждённость Руис исчезла — как и сомнения Харви насчёт работы с ней. Возможно, у них были одинаковые характеры. Или он напомнил ей брата, как она напомнила ему младшую сестру, когда улыбнулась — довольно сдержанно, но всё же приветливо и открыто. Он ответил такой же улыбкой.

Они остановились друг перед другом, и его ладонь обхватила её руку. Рукопожатие Руис было крепким и деловым. Его, похоже, ей тоже понравилось.

— Доброе утро, лейтенант Роджерс, — непринуждённо поздоровалась она чуть хрипловатым голосом.

Харви почувствовал запах застоявшегося табачного дыма. Даже теперь, спустя девять лет после того, как он бросил курить, он не выносил этого запаха. И всё же ему вдруг снова захотелось сигарету. Он отогнал обе мысли.

— Здравствуйте, детектив, — ответил он. — Меня зовут Харви.

— Сандра, — спокойно ответила Руис. — Привет.

— Привет, — отозвался он.

Сандра полезла в карман кожаной куртки. Достав пачку сигарет, она заметила невольное движение Харви, лукаво улыбнулась, открыла пачку и протянула ему. Он покачал головой. Сандра закурила, выпустила дым в сторону и посмотрела на Харви.

— С чего мы начнём, Харв? — спросила она.

• 24 мая 2016 года, Портленд

Тех, кто не жил в Портленде, штат Орегон, город удивлял — кого больше, кого меньше. Он казался жизнерадостным и довольным жизнью. Очень чистый, утопавший в почти буйной зелени, словно единый огромный парк, он всё же очаровывал другим. Бесчисленными маленькими ресторанчиками, множеством фургончиков с уличной едой, но прежде всего — крошечными пивоварнями, нередко прямо при пивных. Отсюда и прозвище Портленда — «Пивной город». Кроме того, его жители, похоже, испытывали неутолимую жажду кофе: маленьких обжарочных здесь было не меньше, чем заведений по переработке алкоголя.

К тому же Портленд отличался весьма удобным транспортным сообщением — независимо от того, собирался человек приехать сюда на машине, на поезде или прилететь самолётом. Или покинуть город.

*****

Мужчина с аккуратными усами, в изысканном тёмно-синем костюме и галстуке-бабочке, бывал в Портленде и прежде. Но пока такси везло его в Северо-Западный район, он смотрел по сторонам и машинально подкручивал кончики усов — город снова совершенно очаровал его.

Небольшие предприятия и лавки ремесленников теснились вперемежку со старыми многоквартирными домами и новыми элегантными жилыми комплексами с частными квартирами, которые, однако, сохраняли очарование старого города. Бесчисленные магазины, рестораны и бары, словно цветы, пестрели в переулках и вдоль улиц, напоминавших прогулочные бульвары, а вокруг них, как пчелиные рои, сновали люди.

С Северо-Западной двадцать третьей авеню, главной торговой улицы Аптауна, вдоль которой тянулись дорогие бутики и кафе, такси свернуло на Северо-Западную Овертон-стрит и сразу остановилось. Усатый мужчина расплатился с водителем и вышел. Огляделся. Наискосок через дорогу находился Старбакс. Мужчина пересёк улицу. Там стояло небольшое, бережно отреставрированное здание, целиком укрытое тенью огромного дерева. Все машины на стоянке, по-видимому, принадлежали посетителям ресторана Тара Тай: два размеченных на асфальте места перед входом в пивоварню Зе Фаундри Марк Брюинг Компани пустовали.

Сам вход представлял собой простую дверь из старого дерева с тёмным стеклом в верхней половине. Название пивоварни скромно красовалось мелкими буквами на неприметной табличке, прикреплённой рядом. Часы работы скорее сообщали о том, когда пивоварня была закрыта: с понедельника по среду она не работала, в четверг и пятницу открывалась на три часа во второй половине дня, а в первую субботу каждого месяца — с одиннадцати до часу.

Усатый мужчина нажал на старую витую латунную ручку и толкнул дверь. Над его головой звонко звякнул серебряный колокольчик, а когда он закрыл дверь — ещё раз. Мужчина нерешительно остановился.

В полутёмном помещении пряно пахло растениями. В трёх метрах от входа оно заканчивалось оштукатуренной стеной, на которой в старой раме висело какое-то пожелтевшее свидетельство. Под ним стояли небольшой столик и старинные английские клубные кресла из коричневой кожи, уже издали манившие своим уютом. Слева от входа начиналась стойка, тянувшаяся до противоположной стены. Она была целиком деревянной: на её основании виднелся похожий на орнамент рисунок древесины, а столешницу столько раз покрывали лаком, что она идеально вписывалась в сумрачную атмосферу заведения. Перед стойкой стояли четыре барных табурета, а за ней, у стены по обе стороны двери, высились стеллажи с маленькими ящичками. Латунная ручка каждого служила одновременно держателем для бумажной карточки с надписью аккуратным почерком. Судя по всему, в ящичках хранились ёмкости с образцами хмеля, наполнявшего помещение пряным, не поддающимся определению ароматом. Неподалёку от входной двери над столешницей возвышались четыре пивных крана. Тоже

старые, латунные, с большими массивными рычагами, напоминавшими королевские скипетры. Рядом на деревянном подносе стояла дюжина толстостенных стеклянных пивных кружек. Они были старыми и вмещали по пинте — чуть меньше полулитра. Возле них лежала продолговатая деревянная лопаточка для снятия пены.

Усатому мужчине вдруг почти нестерпимо захотелось холодного пива — не бутылочного, а как следует налитого из крана.

В тот же миг дверь между стеллажами открылась, и вошёл пивовар.

Белый мужчина чуть за сорок, стройный и мускулистый, со спокойным лицом, короткими каштановыми волосами, ухоженной трёхдневной щетиной и пытливым взглядом светло-голубых глаз. Поверх простой белой рубашки с закатанными рукавами и выцветших джинсов на нём был опрятный коричневый фартук.

— Здравствуйте, — приветливо сказал он. — Чем могу вам помочь?

— Меня зовут Патрик Санвуд, — представился усатый мужчина и тут же запустил руку за лацкан пиджака. Он достал визитную карточку из плотной белой бумаги, протянул пивовару и подождал, пока тот её просмотрит. Когда пивовар вновь поднял на него глаза, Санвуд протянул руку. — Я сомелье «Белла Коллина» в Сейлеме…

— Да, это написано здесь, — ответил пивовар. — Простите, но я никому не пожимаю руки, — вежливо отклонил он жест Санвуда. — Ничего не имею против вас или кого бы то ни было, просто стараюсь переносить на себе как можно меньше микробов.

— Понимаю, — пробормотал Санвуд, опуская руку.

Впрочем, в его голосе прозвучала лёгкая обида. Пивовар оставил её без внимания.

— Что вас интересует? — перешёл он прямо к делу.

— Да, гм… — Санвуд откашлялся. — У нас четырёхзвёздочный отель с поистине давними винными традициями. — Он вздохнул. — Но времена меняются, — продолжил он с философским сожалением. — Сейлем — столица Орегона, в ней расположено множество фирм, а значит, город становится всё более открытым миру, и одно из следствий этого — спрос на пиво. Однако мы обязаны поддерживать высокое качество и потому решили составить пивной ассортимент из самых изысканных сортов. Поручили это мне. К сожалению, опыта в том, что касается пива, у меня немного. А вы, мистер Лонг, в определённых кругах очень славитесь своим пивоваренным искусством. — Он чуть склонил голову набок. — Вы ведь Ноа Лонг?

— Именно, — ответил пивовар. — Кто меня вам порекомендовал?

— Консьерж отеля «Бенсон».

Лонг ненадолго задумался.

— А, да, старый четырёхзвёздочный отель с сигарным баром неподалёку отсюда.

— Верно. — Санвуд обрадовался. — У вас есть интерес?

— Вы сначала попробуйте, — уклонился от ответа Лонг и подошёл к пивным кранам. — Что предпочитаете? — осведомился он. — У меня есть крафтовое пиво, немецкий пильзнер, пшеничное, а специальный сорт этого месяца — лагер с маракуйей.

— Такое кто-то пьёт? — изумился Санвуд. — Для начала пильзнер, пожалуйста.

Пивовар снова улыбнулся, наполняя кружку. Снял пену, плеснул ещё немного и поставил кружку перед посетителем. Санвуд взял её, поднёс ко рту и попробовал. Его брови удивлённо взлетели, и он ошеломлённо посмотрел на пивовара, который, в свою очередь, внимательно за ним наблюдал. Санвуд выдохнул и сделал большой глоток.

— Великолепно, — объявил он. — Никогда ещё не пробовал ничего столь восхитительного, огромное спасибо. — Он отпил ещё. — Просто замечательно.

— Рад, что вам нравится, — ответил пивовар. — Тогда можете устроиться вон там, — он указал на кресла и столик, — и спокойно допить. — Санвуд последовал совету. — Мне нужно ненадолго в пивоварню, у меня там кое-что в котле, — сказал Лонг. Он заметил, что

посетитель достаёт из кармана смартфон. — К сожалению, здесь вы не сможете ни позвонить, ни выйти в интернет, мистер Санвуд, — окликнул он его.

Сомелье обернулся и удивлённо посмотрел на него.

— Вы что, собираетесь мне помешать?

Лонг спокойно, едва заметно покачал головой.

— Нет, здесь просто нет связи, — коротко ответил он и скрылся за дверью между стеллажами с пряностями.

Санвуд всё же разблокировал смартфон и посмотрел на дисплей. Там действительно было написано: «нет сети». Он чуть раздражённо вздохнул.

*****

Закрыв за собой дверь, Лонг вошёл в огромный куб из оргстекла, внутри которого стояли четыре медных пивоваренных котла и чаны с затором, суслом и прочими исходными продуктами. Лонг быстро, но внимательно проверил показания приборов, кивнул себе и вышел из куба. Рядом с этим внушительным сооружением находился его кабинет — каморка из тонких алюминиевых листов и оконного стекла. Лонг сразу сел во вращающееся кресло и придвинулся к столу. На столе стоял монитор, но перед ним располагался раскрытый ноутбук в режиме ожидания, а рядом лежал мобильник с предоплаченной связью, подключённый кабелем к наружной антенне и служивший точкой доступа для ноутбука. Коротким нажатием клавиши Лонг вывел ноутбук из режима ожидания. Экран засветился. На нём оставалось то, чем Лонг занимался, прежде чем звон колокольчика вызвал его в лавку: в уже открытом браузере «Tor» отображался чат в даркнете. Лонг вошёл в систему. Затем сочетанием Alt и Caps Lock переключил раскладку клавиатуры и принялся печатать, не опуская глаз. В чате появлялись латинские буквы, но смысла в них не было. Лонг нажал Enter. Через несколько секунд под его сообщением высветилась такая же абракадабра. Он выделил сообщение, скопировал его и вставил в текстовый редактор, который успел открыть за это время.

«Лос-Анджелес, — превратила набор букв в слова программа расшифровки. — Двое. Обычный гонорар».

«ОК», — напечатал Лонг в чате.

Он закрыл чат и открыл почтовый ящик, по-прежнему в даркнете. Пришло одно новое сообщение. В нём были два файла. Каждый содержал несколько страниц текста и по одной фотографии. Лонг сохранил файлы и разорвал соединение с мобильником. Вынул SIM-карту, убрал её в карман, а телефон вместе с упаковкой сунул в пакет.

*****

Через две минуты он вернулся к Санвуду, который уже допил пиво.

— Ну как? — поинтересовался он.

— Великолепно, — ответил сомелье. — Я хотел бы попробовать остальные сорта. Кроме специального с маракуйей, — слегка смущённо добавил он. — И, пожалуйста, каждого только по трети кружки.

Лонг исполнил его просьбу, и следующие полчаса Санвуд наслаждался его продукцией. Захмелел ли он, определить было невозможно, только глаза его заблестели.

— Итак, мистер Лонг, — начал он, допив пшеничное. — Вы не зря заслужили свою репутацию. Поэтому я уполномочен заключить с вами договор на поставку пильзнера и крафтового пива.

— Сколько вам нужно? — спросил Лонг.

— Двадцать литров в день, — ответил Санвуд. — Каждого сорта.

Лонг покачал головой.

— Могу поставлять по десять, — ответил он. — Мои производственные возможности ограничены, и у меня есть ещё несколько клиентов. — Он помолчал. — С которыми я работаю уже очень давно.

— Хорошо, — согласился Санвуд, приняв то, что приоритета ему не дадут. — Цена?

— Шесть долларов двадцать центов за литр.

Санвуд поперхнулся воздухом.

— Что? — воскликнул он.

— Шесть долларов двадцать центов, — повторил Лонг.

Посетитель перевёл дух.

— Думаю, ваше пиво стоит каждого цента, — сказал он. — Но с ценой нам нужно что-то сделать, — добавил он с внезапной резкостью.

— Нам, — подчеркнул Лонг, — ничего делать не нужно. У вас два варианта: либо вы принимаете цену, либо нет.

— Послушайте, молодой человек, — вспылил Санвуд. — Вы слишком много о себе возомнили. Руки не подаёте, не торгуетесь, вас даже найти невозможно — ни в телефонном справочнике, ни в интернете…

— И мой успех доказывает, что я прав, ведь я разработал новый способ сделать вкус насыщеннее, — перебил его Лонг с мученическим выражением лица, впервые проявив хоть какую-то эмоцию. — Но куда важнее то, что я люблю своё дело. И я уж точно не променяю высокие требования к своему пиву на объёмы производства. Я не стану варить быстрее и больше только ради того, чтобы больше заработать. То, чем я занимаюсь — высокое искусство. Так учил меня отец. И я работаю один, а у вас дорогой отель, так что берите больше денег со своих клиентов, вместо того чтобы платить мне меньше. — Он глубоко вздохнул, успокаиваясь. — Так вот, недавно я получил сообщение, что в Лос-Анджелесе для меня открываются кое-какие возможности. Я уезжаю, а вы можете пока подумать. Ах да, в бутылках я пиво не поставляю, только в пятидесятилитровых бочках. И перевозку вам придётся организовать самим.

— Собираетесь варить пиво со вкусом клубники? — проворчал Санвуд, поднимаясь из кресла.

— Возможно, — ответил Лонг.

— Я свяжусь с вами. — От вежливости Санвуда не осталось и следа. — Может быть.

Не сказав больше ни слова, он тяжёлым шагом вышел. Лонг собрал кружки. Прежде чем приняться за мытьё, достал свой Самсунг S6. Подсоединил к нему антенный кабель, набрал номер и включил громкую связь.

— Да? — раздался из смартфона слегка дрожащий, хриплый голос.

— Привет, пап, — поздоровался Лонг, моя первую кружку. — Мне опять нужно уехать на неделю. Может, меньше. У тебя найдётся время?

— Что у тебя там назревает? — поинтересовался отец.

— Да не особенно много. К тому времени нужно закончить четыре гектолитра крафтового и три пильзнера. Но они уже в работе.

— Сделаю, — ответил отец. — А хмель с приятным послевкусием ты наконец где-нибудь раздобыл?

— Не-а, — уныло ответил Лонг. — Знаешь что, пап, — пришла ему в голову мысль, — когда я вернусь, нам надо съездить в Германию. Там мы наверняка найдём такой хмель. Или в Чехии.

— Сын, вот это будет здорово, — обрадовался отец.

• 28 мая 2016 года, Ланкастер

Доктор медицины Герман Рарес наконец чувствовал себя хорошо — после четырёх долгих, мучительных недель. Он поступил не по правилам, но правильно. Помог человеку, с которым начальник обошёлся настолько подло, что Герман просто обязан был вмешаться. То, что он вдобавок сделал это за деньги, долго грызло его: пациент поделился с ним страховой выплатой. Но поставить за сто пятьдесят тысяч ложный диагноз, который никому не вредил — разве что страховой компании, а главное, идиоту-начальнику его пациента — было не таким уж большим проступком. Другие мошенничали по-настоящему, чаще и ради куда больших сумм. Тем более что страховая компания на самом деле и сама не знала, куда девать деньги. Теперь хоть настоящему работяге что-то перепало. Ну и доктору Раресу тоже.

Пружинистым шагом направляясь к открытому ангару, Герман рассматривал Цессну 152, стоявшую у левого края. Она принадлежала ему. Пять лет назад, в тридцать два года, он открыл в себе страсть к полётам после того, как коллега взял его на воздушную прогулку. Затем он получил свидетельство частного пилота и постоянно брал самолёт напрокат. Теперь с этим наконец было покончено. Пилотировать истребитель было бы вершиной блаженства, но об этом Герману оставалось только мечтать… Разве что оказать ещё несколько услуг — тогда он смог бы позволить себе получить соответствующее свидетельство и купить старый реактивный истребитель… Он отогнал эту мысль: ведь поклялся себе, что это было в первый и последний раз. Благодаря этому случаю у него теперь был самолёт. Герман снова порадовался. Его сто пятьдесят вторую уже переоборудовали под двигатель с водяным охлаждением, отчего она стала длиннее. А значит, и устойчивее. Вообще-то этот самолёт отличался на редкость покладистым нравом и идеально подходил для новичков, только был немного легковат. Зато теперь Герман мог выполнять на нём по-настоящему крутые манёвры.

Была и ещё одна причина радоваться тому, что он выбрал Цессну 152. Знакомиться с женщинами ему всегда удавалось без труда, но теперь, если он пригласит одну из них полетать над Лос-Анджелесом, двухместная кабина сразу заставит их сидеть близко и поспособствует сближению. Добавить к этому один-два манёвра, от которых у дамы сердце ухнет в пятки, — Герман уже слышал её весёлый смех, когда всё останется позади. А потом ещё несколько невероятных историй: например, о том, как француз Лотито целиком съел Цессну 150, предыдущую модель. Или о том, как четырёхместная сто семьдесят вторая — самый массовый самолёт в мире — однажды провела в воздухе почти шестьдесят пять суток без посадки, что тоже стало абсолютным рекордом. Или…

Герман насторожился, увидев мужчину, который возился у горизонтального оперения его Цессны, и не на шутку разозлился: этот тип испортил ему все мечты. Затем он снова пожалел, что рядом нет дамы, которая увидела бы, как он разделается с этим парнем в комбинезоне механика, бейсболке и тёмных очках, явно воображавшим себя невероятно крутым.

Герман ускорил шаг.

— Эй! Эй! Что вы там делаете? — заорал он. Затем замялся и нахмурился. — Вы вообще кто такой? Я вас здесь раньше не видел.

Тип уставился на него через плечо, скрывая глаза за непроницаемо тёмными очками.

— Вете а фреир эспаррагос! — огрызнулся он, не особенно громко, но достаточно отчётливо, чтобы Герман понял: ему предложили пойти пожарить спаржу, иными словами — отвалить. — Я механик, проверяю самолёты в этом ангаре. Нам сообщили, что из одной машины течёт какая-то жидкость, — всё же нехотя объяснил он и указал на удостоверение, висевшее на левом нагрудном кармане комбинезона.

Его испанский показался Герману странным, а по-английски он говорил с испанским акцентом, но определить, откуда он родом, Герман не смог. Он мельком посмотрел на удосто-

верение, однако ничего не разобрал: тип как раз отвернулся и снова нагнулся, разглядывая пол. И всё же у Германа было ощущение, что он знает этого отвратительного субъекта. Размышлять о том, откуда именно или кого тот ему напоминал, Герману не хотелось. *Сними очки, придурок*, мысленно рявкнул он на механика. Хорошо, что рядом никого не было, иначе пришлось бы сказать это вслух, чтобы не ударить лицом в грязь. Но до такого Герман доводить не хотел.

— И? — резко спросил он. — Нашли что-нибудь?

— Да, — ответил механик, показывая назад и в сторону. — Вон у того Бичкрафта Бонанза течёт охлаждающая жидкость.

Герман посмотрел туда. Под небольшим четырёхместным одномоторным низкопланом и впрямь была лужа, присыпанная сорбентом.

— А с моей Цессной что вы делаете? — потребовал объяснений Герман.

— Проверяю, всё ли в порядке! — сердито выпалил механик. — Скажите спасибо, что я забочусь. Пагафантас, — добавил он.

Это составное слово означало «тот, кто платит за фанту», но называли так мужчину, готового платить за всё, лишь бы добиться расположения женщины — чего, разумеется, никогда не случится. Герман поперхнулся от возмущения и открыл рот. Потом закрыл. Драться он никогда толком не умел, а этот тип выглядел так, словно только и ждал повода заехать ему по носу. Герману этого совсем не хотелось, а от мысли, что его воображаемая спутница могла бы стать свидетельницей такого позора, его передёрнуло. Но… Можно было дать этому типу десятку и даже сказать «большое спасибо». Вот это стало бы триумфом и доказательством силы духа.

Пока он представлял себе эту сцену, механик перешёл к J-3 Cub фирмы Пайпер — самолёту, похожему на сто пятьдесят вторую.

Герман решил пожаловаться на него администрации, выкинул его из головы и подошёл к своему самолёту, чтобы провести предполётный осмотр. Начал с горизонтального оперения. Там всё было в порядке. Как и во всём самолёте.

Снова полный радостного предвкушения, Герман бросил в кабину сумку с полётными картами и едой для перекуса, принёс буксировочное водило, закрепил его на носовой стойке шасси и выкатил Цессну из ангара.

Ещё три минуты ушло на то, чтобы снова подложить под колёса упоры, отнести водило, убрать упоры и забраться в кабину.

*****

Пока Герман выполнял предполётную проверку по контрольному списку и запускал двигатель, Майкл Ли, несмотря на фамилию афроамериканец, заметил белого парня в комбинезоне механика, выходившего из ангара через дверь в задних воротах. В левой руке тот даже держал небольшой ящик с инструментами, но Ли не знал его и сразу насторожился.

— Эй, ты кто такой? — окликнул он парня. — И что ты здесь делаешь?

Тот сразу обернулся, посмотрел на Ли, затем поспешно снял бейсболку и очки и указал на удостоверение.

— Я Майк Тус, начал сегодня работать помощником смотрителя, — довольно подобострастно ответил он, затем улыбнулся с предупредительной любезностью и протянул руку. — А ты?

Ли сперва оглядел его. Для такого красавца — мускулистого, атлетически сложенного, с угловатым, гладко выбритым лицом, короткими светлыми волосами и большими глазами мускатно-карего оттенка, от которых женщины теряли голову — он держался слишком покорно. Даже шрам над левым глазом не портил его внешности. Но он здесь новенький, а значит, полагалось не высовываться. Ли взглянул на удостоверение. Всё сходилось. Он стиснул руку белого своей привычной к инструментам ладонью, словно тисками.

— Майкл Ли, — представился он. — Я авиамеханик, — добавил он, объясняя, почему остановил белого. — Пит сегодня здесь?

Белый, ответивший столь же крепким рукопожатием, озадаченно приподнял брови, словно удивился.

— Кто?

— Твой начальник, — ответил Ли. — Заведующий хозяйством.

— А-а, — протянул белый, удивлённо глядя на Ли. — Когда меня принимали, я разговаривал только с Ричардом Оффордом, бригадиром. Чернокожий.

— А, понятно, — ответил Ли и отпустил его руку.

Теперь он успокоился. Ему даже стало немного неловко за свою подозрительность. Белый посмотрел на наручные часы.

— Тогда я пойду, — сказал он.

— Увидимся, — ответил Ли. — Бывай.

— Ага, и ты, — отозвался белый и, тихонько насвистывая, направился к главному зданию.

*****

Парить над миром — это было снова и снова непередаваемое ощущение. Ничто, совершенно ничто не могло сравниться с полётом. Герман наслаждался им, отогнав все прочие мысли, заботы и тревоги. Не хватало только хорошенькой женщины рядом.

Он бросил взгляд на указатель топлива. Бензина ещё на сорок пять минут. Герман огляделся. Вокруг — лишь сияющий простор. В этой местности к северо-востоку от Лос-Анджелеса воздушное движение никогда не было оживлённым. Герман прибавил газу и выполнил несколько фигур высшего пилотажа. Под действием перегрузки, с трудом дыша под тяжестью собственного тела, весившего теперь втрое, а то и впятеро больше, он чувствовал себя лётчиком-истребителем. Необходимость прекратить стала горьким разочарованием.

Заход на посадку был образцовым. Герман сосредоточился на цифре 24 у западного конца посадочной полосы. Но пролетая над церковью «Истинная святость Божья», он заметил на её пустой парковке мужчину возле серого седана. Тот, похоже, смотрел на его Цессну. В руке у него, видимо, был смартфон. Герману нужно было немного довернуть на север. Он ввёл Цессну в плавный правый разворот. Мужчина внизу, по-видимому, закончил разговор: опустил смартфон и одновременно открыл дверцу машины.

В тот же миг Герман услышал под собой громкий хлопок, а штурвал буквально вырвался у него из рук и с силой ударился о передний упор. Нос Цессны резко опустился. Герману понадобилась секунда, чтобы опомниться. За это короткое время буроватая земля заняла бóльшую часть лобового стекла. Герман инстинктивно рванул штурвал на себя. Ни сопротивления, ни реакции самолёта. Но если оборвался трос управления, почему руль высоты заклинило в крайнем верхнем положении?

Это была его последняя мысль: Цессна с высоты триста восемьдесят футов почти вертикально врезалась в землю на скорости пятьдесят две мили в час. От чудовищного удара маленький самолёт разлетелся на бесчисленные обломки, а Германа разорвало на части.

• 29 мая 2016 года, Лос-Анджелес

Стивена Брауна просто тошнило от всего. Так, что хотелось блевать фонтаном, долго и обильно. Хотя вообще-то всё прошло отлично: врач, этот жадный латинос, держал пасть на замке, а собственное алиби Стивена было просто непробиваемым. Ведь всё было ясно и понятно: американское подразделение «П. Фарма» признало, что в их одноразовых инсулиновых шприцах обнаружилось загрязнение. Мужу погибшей оставалось лишь полюбовно договориться с этой конторой, и дело было бы в шляпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.